

ГОСПОДЬ ПЕРЕД СУДОМ СИНЕДРИОНА

«Живоначальная Троица» на иконе преподобного Андрея Рублева изображена в виде трех Ангелов, сидящих в круге, Предвечная Троица до создания мира. Круг — символ вечности и единосущия. В центре Ангельского Троичного круга на столе стоит чаша, а в ней глава принесенного в жертву тельца. Телец — символ жертвенного служения и страданий Христа. Три Ангела, три Божественных Ипостаси, безмолвно взирают на чашу. Тогда в предвечном Совете Святой Троицы было определено принести в жертву за имеющий создаться мир Божественного Тельца — Христа Спасителя.

Священное Писание говорит о Христе как об Агнце, закланном от создания мира (Откр. 13, 8). Бог *избрал нас в Нем прежде создания мира... предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа* (Еф. 1, 4—5).

Мир еще только должен был появиться, еще только рождался в предвечной мысли Божией, а во Святой Троице уже принесена за него Жертва.

Приготовлялась Жертва в Гефсимании (Кровная Проскомидия), перед Ее взором предстала страшная чаша, которую Он видел предвечно, теперь должен был испить. То, что было совершено в Совете Святой Троицы, теперь должно было совершиться во плоти на земле. А жертвенным Тельцом был Он Сам. Молитвенно боролся до кровавого пота Иисус, отдавая Себя в Жертву, которую надлежит принести на Кресте.

То, что было определено, теперь должно было быть выстрадано.

И вот, приблизился час, — говорится в Евангелии, *— и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Мф. 26, 45).

Приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и книжников и старейшин. Об этом ученике-предателе Господь еще через пророка Своего говорил: *Яко аще бы враг поносил ми, претерпел бых убо, и аще бы ненавидяй на мя велеречивал, укрыв бых ся от него. Ты же, человеце равнодушне, владыко мой и знаемый мой, иже купно наслаждался еси со мною брашен, в дому Божии ходихом единомышлением* (Пс. 54, 13—14). Господь приблизил его к Себе, чтобы вразумить, научить его Божией истине. Иуда, без сомнения, так же, как и другие ученики Христовы, изгонял бесов, исцелял от болезней и много иного делал добра людям: проповедовал, раздавал милостыню. Много было ему дано от Господа средств сделаться добродетельным, богоугодным. Ничем Господь его не обделил. Так и Св. Церковь в песнопении выражает: «Кий тя образ, Иудо, предателя Спасу содела? Еда от лика тя апостольска разлучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда со оными вечеряв, тебе от трапезы отрину? Еда иных ноги умыв, твои же презре? О коликих благ непамятлив был еси!..» (Служба Великого Пятка).

Но будучи корыстолюбив, он думал, что, став учеником Того, Который, по мнению других иудеев, должен царствовать над всеми народами, достигнет и сам почестей, власти и славы. В продолжении же трех лет

совершенно уверился, что последование за таким Человеком, Который любит нищету, не обещает ему ничего такого, чего он алчет. Иуда помрачился в разуме и стал предателем. О нем Господь не раз говорил ученикам Своим: *Не Аз ли вас дванадцати избрах? и един от вас диавол есть* (Ин. 6, 70).

Но и теперь Божественная любовь еще готова была принять его. *Иудо, лобзанием ли Сына Человеческого предавши?* (Лк. 22,48) — сказал Иисус, надеясь, что по крайней мере теперь, признав Его Владыкою всеведущим, Иуда припадет к Нему и раскается. Господь знал, что Иуда неисправим, но творил Свое, подобно как и Отец Его творил в Ветхом Завете: знал, что евреи не послушают, однако же посылал пророков.

О предательстве Иуды было предсказано в Ветхом Завете: *И они отвесят в уплату Мне тридцать сребренников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, — высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника* (Зах. 11, 12—13). Это пророчество в точности исполнилось. За свое предательство Иуда получил от первосвященников тридцать сребренников (Мф. 26, 14—16). А уже после осуждения Господа на смерть, он, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: *Согреших, предав кровь невинную*. Бросив сребренники в храме, Иуда пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребренники, *купили на них землю горшечника, для погребения странников. Тогда сбылось реченное через пророка* (Мф. 27, 3—10).

Уже преданный нечестивым лобзанием, Христос восхотел показать врагам Своим, что Он предает им Сам Себя и что без Его Святой воли ни предатель, ни они не могли бы ничего сделать с Ним.

Был какой-то особенный страх на всех пришедших взять Иисуса, ибо знали они, что перед ними Великий Чудотворец. Помнили они, как огонь с неба пожег тысяченачальников с отрядами, посланных взять пророка Илию, — поэтому никто первый не хотел подвергнуться небесному гневу и все стояли неподвижно.

Тогда Иисус Сам подошел к ним и спросил: *Кого ищете?* — *Иисуса Назореа*, — отвечали Ему. — *Аз есмь*, — сказал Иисус (Ин. 18, 7—8). Услышав эти слова, стоящие перед Ним отступили назад и пали на землю. О сем и пророк возвещал: *Внегда приблизатися на Мя злобующим, тиш изнемогоша и падоша* (Пс. 26, 2).

В кратком слове, вышедшем из уст Иисуса, заключалась некая тайная сила, непреодолимая, всемогущая. Это было следствием необыкновенной силы духа, неким отблеском Божества, обитающего в Иисусе Христе телесно. Этого чуда было достаточно для вразумления иудеев. Он хотел им явить — Кого они ищут! Но когда иудеи и после этого чуда остались при своей злобе, тогда Он отдает Себя в руки их.

Ученики, воспламенившись ревностью, извлекли мечи. Один из них, Петр, ударяет раба первосвященникова и отсекает ему правое ухо. Иисус, прикоснувшись к уху, исцеляет его. Он вновь совершает чудо, дабы явить

Свое незлобие и Свое могущество и этим чудесным исцелением вразумить злобных иудеев.

Приводя изречение Закона: *взявшие меч мечом погибнут* (Быт. 9, 6), Иисус предсказывает, что иудеи, поднявшие на Него меч, будут истреблены от меча римлян.

«Или думаете, Я не могу умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф. 26, 53), — говорит Он ученикам Своим. Если один Ангел поразил 185 тысяч вооруженных воинов, то неужели нужно было Христу двенадцать легионов Ангелов против тысячи человек? Нет, Он так сказал по причине страха и слабости учеников Своих. Господь неба и земли мог свести огонь с неба на врагов Своих, как на содомлян, и земля, по мановению Его, разверзлась бы под ногами их, как под ногами Корея и Дафана. Но Он не хотел этого.

Яко на разбойника ли изыдoste со оружием и дрекольми яти Мя? — сказал Иисус обступившим Его первосвященникам и старейшинам. — *По вся дни, сущу Ми с вами в церкви, не простре руки на Мя* (Лк. 22, 52—53). И это свидетельствует о Его Божестве. Ибо, когда Он учил в храме, они не могли взять Его, поскольку не настало для Него время страдания. Когда же Он Сам восхотел, тогда и предал Себя им.

Указывая на пророчества, которым надлежит исполниться, Иисус еще давал помраченным злобою иудеям свет Божией истины. Но мрак неверия покрывал души ненавидящих света истины, и ни чудесное проявление Божественной силы Господа при словах Его *Аз есмь*, ни чудесное исцеление раба, ни решительное запрещение Петру защищать Его — ничто не привело их в сознание и страх. Не было у них покаяния, не было обращения к Богу, видел Господь, что сердца их ожесточены. И предал Господь Себя добровольно в руки их, на страдания.

Се, дах Тя в завет рода, во свет языком, — пророчествовал Исаия, — *еже быти Тебе во спасение даже до последних земли* (Ис. 49, 6). *Яко овца на заколение ведeся, и яко агнец пред стригущими его безгласен, тако не отверзает уст Своих. Во смиренни суд Его взятся: род же Его кто исповесть? яко вземлется от земли живот Его, ради беззаконий людей Моих ведeся на смерть* (Ис. 53, 7—8).

Ученики, увидев связанным Своего Учителя, бежали — *порази Пастыря, и расточатся овцы стада* (Зах. 13, 7). Воины с тысяченачальником своим и слуги со своими старейшинами повели Узника в город Иерусалим, избивший пророков, и теперь готовящийся дополнить меру своего кровопролития.

Почему же *толико знамения сотворшу Ему пред ними, не вероваху в Него?* (Ин. 12, 37) — Далекі от царствія Божія все те, которые не мыслят, яже суть Божія, но яже суть человеческа; которые думают, что Господь устрояет для них царство Свое на земле. Вот так и иудеи думали о Христе, что Он будет Спасителем их не от грехов и вечной для них муки, но от временных лишь бедствий. Они воображали о Нем, как о царе, великом завоевателе, ожидали, что Он доставит сынам Израиля несметные богатства,

сделает их счастливейшими из всех людей. При такой ложной уверенности, что же они должны были думать, когда Спаситель мира явился не с мечом в руках, но с великой кротостью проповедовал людям о покаянии, об отвращении от грехов и с тем вместе об оставлении благ земных, которые наводят человека на грех? За царя ли они могли признать Того, Кто ублажал нищих, плачущих, гонимых, учил терпеть обиды, лишения, скорби? Вот почему и начали от Царствия Христова *вкуне вси отрицатися*, как говорил им Господь в притче, *и, небрегие, отыдоша ов убо на село свое, ов же на купли своя*. А начальники их решились схватить Христа, как поучающего людей не согласно с их понятием, разоряющего благоденствие их земной жизни. Вот в чем заключалось семя неверия, и откуда истекал источник вражды их на Бога и на Христа Его. И таким образом не могли узнать Его, хотя и каждую субботу читали Писания и слышали пророческие слова о Нем.

Связанного Иисуса отвели сначала к Анне, тестю Каиафы, который в то время первенствовал в синедрионе (верховном судилище).

Тон в синедрионе задавали соперничавшие друг с другом фарисеи и саддукеи.

Первые видели спасение своего народа в строжайшем соблюдении закона и хранении предания. Поначалу фарисеи составляли ту часть образованного общества, которая выделялась нравственным авторитетом и ревностью в соблюдении закона, данного Богом через пророка Моисея. Фарисеи держались Священного Писания, имели веру в бессмертие души, воскресение из мертвых, посмертное воздаяние. Но, постепенно утрачивая дух подлинной религиозности, они стали сводить ее к многочисленным и мельчайшим обрядовым предписаниям, усложненных притом нередко собственными мелочными измышлениями. Благодетель фарисеев — ревнителей закона — было только наружным, лицемерным, ибо они отложили волю Божию. Они говорили, что Моисей от Бога закон принял и им передал, а выше ценили всякие человеческие предания и говорили, что одно рождение от Авраама и обрезание уже делает иудеев сынами Царствия Божия. Они хранили субботу и не позволяли в этот день ничего делать, а Господь совершал много исцелений именно в субботу. И когда Господь исцелил расслабленного, который 38 лет лежал больным (Ин. 5, 5), фарисеи осудили Его: «Как это Он в субботу дерзнул совершить такое дело! Есть и другие дни, пусть в другие дни исцеляет! Если Он от Бога, то пусть хранит субботу!» Господь же знал их помышления и терпеливо учил, что суббота для человека, а не человек для субботы (Мк. 2,27) и что можно в субботы делать добро (Мф. 12, 12). Фарисеи отличались гордостью, самомнением, презрением к людям. Иисус Христос сурово обличал их как сынов погибели: *Глаголю бо вам: яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20).

Саддукеи были людьми по существу совершенно неверующими, их жизнь ограничивалась сугубо земными интересами. Они говорили: нет никакого воскресения, нет Ангелов, нет диавола, нет Промышления Божия в мире, человек живет сам по себе и после смерти иной жизни не имеет,

поэтому ешь, пей, веселись на земле. Саддукеи, любя роскошь и богатство, сделали храм домом торговли (Ин. 2, 16), где продавался скот, голуби, менялись различные монеты, стоял постоянно говор, бляение скотины, валялся сор. И когда Господь, ревнуя о храме Своем, пришел и прогнал из него меновщиков, это их очень озлобило, потому что имели большой доход от продаж. И возмущенные действиями Господа, они положили в сердце своем предать Его смерти.

В синедрионе решающий голос принадлежал именно саддукеям, из них избирались и первосвященники. Но при всем своем соперничестве с фарисеями, они были едины с ними в ненависти к Божественному Проповеднику, так как Иисус Христос в Своих проповедях резко обличал тех и других, учил беречься закваски фарисейской и саддукейской (Мф. 16, 4—6).

Известно, что с 7-го г. по Р. Х. высокое место первосвященника занимал род Анны. Он сам до 14-го г., а потом пять его сыновей и Каиафа, зять его, были первосвященниками.

Этот старик, допрашивая Иисуса, старался представить дело так, будто бы опасный человек Иисус Христос объявляет себя царем и образовал большой тайный заговор, собирая вокруг Себя учеников и единомышленников. Иисус отвечал ему: *Аз не обинуюся глаголах миру. Аз всегда учах на сонмище и в церкви, идеже всегда иудее снемлются, и тай не глаголах ничесоже. Что Мя вопрошавши? вопросы слышавших, что глаголах им; се сии ведут, яже рех Аз* (Ин. 18, 20). Иисус в свидетели Своих слов приводит Своих врагов — тех самых служителей, которых еще прежде фарисеи и первосвященники послали в Иерусалимский храм схватить Его и которые, не выполнив приказания, вернулись одни под сильным впечатлением услышанного: *николиже тако есть глаголат человек, яко Сей Человек* (Ин. 7, 46).

И после такого ответа, полного кротости, простоты, ясности, величия Божественного, Ему не удивляются, но наносят удар в ланиту! Сын Божий, Имже вся быша, терпит от твари Своей заушение и кротко вразумляет нечестивого раба: что ты бьешь Меня?

Из дома Анны связанного Спасителя повели к Каиафе, где уже был собран синедрион.

Каиафа стал первосвященником в 18-м г. по Р. Х. Как и все участники тех великих событий, он, не сознавая того, был орудием Божественного Промысла в деле спасения человечества. Сразу же после воскрешения Лазаря Каиафа, опасаясь, что все уверуют в Иисуса, предложить убить Учителя, сотворившего это великое чудо: *Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб* (Ин. 11, 50). Благодать Духа Святого употребила уста этого первосвященника для предсказания о будущем. Это должно совершиться для спасения мира, и эта истина столь важна, что и враги предсказывали об этом.

Была глубокая ночь, когда по Закону нельзя было разбирать преступлений; обычай не позволял разбирать их и накануне таких

праздников, как Пасха; но синедрион не считал нужным справляться ни с Законом, ни с обычаем, спеша довести дело до конца. В делах неотложных Закон позволял собираться не всем членам синедриона, которых было 71: достаточно было двадцати трех, но члены поусердствовали на этот раз и собрались почти все, за исключением Никодима и Иосифа Аримафейского. Поистине это было незаконное собрание, *церковь лукавствующих*, по выражению Псалмопевца (Пс. 25, 5).

Несмотря на твердое, давно принятое решение лишить жизни Господа Иисуса, синедрион хотел дать этому делу вид справедливости и какими бы то ни было средствами приписать Иисусу вину, достойную смерти.

Еврейское право в своей основе имело Богооткровенный источник: закон был дан еврейскому народу Богом через пророка Моисея и записан в Священном Писании. Но Господь не только дал закон еврейскому народу, но и открыл ему Себя как Судью. В видении Он сказал Аврааму, что потомки его будут угнетаемы четыреста лет, но *Аз произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении* (Быт. 15, 14). В ветхозаветной истории Бог выступает как Судья еврейского народа; судья же, которого избирают люди, исполняет волю Высшего Судии, то есть Бога. Пророк Моисей говорил своему народу, странствовавшему в пустыне в поисках земли обетованной: *не бойтесь лица человеческого, ибо суд — дело Божие* (Втор. 1,17). Священное Писание предписывает судьям руководствоваться правдой Божией, быть справедливым как к малым, так и к великим. Это делало судейскую должность не только особо почетной, но и чрезвычайно ответственной.

И вот люди, сами достойные осуждения, составляют вид судилища, чтобы показать, будто предали смерти Христа по суду. И хотя много приходило лжесвидетелей, желаемого лжесвидетельства не нашли: ни дел, ни слов, достойных смерти, даже и по их несправедливому суду не было. Говорили, что Он возмутитель спокойствия, не хранит предания, нарушает субботы, смущает народ. Но все их обвинения были недостаточны и не имели силы, ибо сами саддукеи, люди безнравственные и жестокие, не признавали, по существу, субботы, никаких преданий. А то, что Господь исцелял больных в субботу, — этого обвинения не принимал народ, ибо он видел в этом благодеяние.

Вымышляли явную ложь, но клевета обличала сама себя. Ибо Господь не говорил: «Я разрушу храм», но «разрушьте»; не сказал притом «храм рукотворенный», а просто «храм», не говорил «создам», а «воздвигну» (Мк. 14, 58). А ведь закон Моисеев требовал от свидетелей безукоризненной правдивости. *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего*, — говорит десятая заповедь Десятисловия (Исх. 20, 16).

В самих словах Спасителя: *разорите церковь сию, и тремя денми воздвигну ю* (Ин. 2, 19) — можно было увидеть указание на Божественную силу. Но заключенное в этих словах пророчество о Своем воскресении иудеям оказалось недоступным.

И рассуждая, нашли одну «вину», что Он, будучи Человек, делает Себя равным Богу. Они и ранее научали народ побить Его камнями, приступая к Нему: *Ты Человек сый, твориши Себе Бога*. Но Господь на это отвечал им: *Несть ли писано в законе вашем: Аз рех: бози есте? Аще оных рече богов, к нимже слово Божие бысть, и не может разоритися Писание: Егоже Отец святы и посла в мир, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рех: Сын Божий есмь* (Ин. 10, 33—36). Как бы говоря: вы считаете себя ревнителями закона Моисея, а не веруете тому, что в законе написано. И далее продолжал: *Аще не творю дела Отца Моего, не имите ми веры. Аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом моим веруйте: да разумеете и веруете, яко во Мне Отец, и Аз в Нем* (Ин. 10, 37—38).

Но они отвергли дела, ожесточили сердца и не веровали.

Христос, видя незаконный суд их, молчал, ибо тех, кого не убедили знамения, как могли убедить оправдания? Но при этом величественном безмолвии судьбы должны были невольно почувствовать, что обвиняемыми были они сами, а Христос был им Судьей.

Как первый служитель Бога Израилева, первосвященник, при всем недостоинстве своем, имел право спрашивать обвиняемого под клятвой: тогда уже нельзя было не отвечать, не преступив должного уважения к клятве, к сану первосвященника, к самому Закону. К этому-то средству и прибег Каиафа, раздраженный молчанием Подсудимого. Перед лицом Бога обвиняемый не мог скрыть истины. И первосвященник сказал Ему: *Заклинаю Тя Богом живым, да речеши нам, аще Ты еси Христос, Сын Божий!* (Мф. 26, 63).

В этом его последнем вопрошении заключался злобный смысл. Если бы был ответ: «Нет, Я не Христос», то сразу бы всем объявили: «Он обманщик, лжец, Он прельщает и возмущает народ, Сам не является Спасителем мира». Если скажет: «Я Христос», они готовы были обвинить Его: «*Самарянин еси Ты и беса имаши* (Ин. 8, 48). Мы знаем Тебя, откуда Ты; *Христос же егда придет, никтоже весть, откуда будет* (Ин. 7, 27); ведь Ты — Человек, как делаешь Себя равным Богу? Мы знаем Твоего отца Иосифа, знаем братьев, Матерь, что Ты жил в Назарете Галилейском. А из Назарета Христос не приходит. Ты — обыкновенный человек, плотник». А чудеса? «Помогал князь бесовский», — говорили они.

Христос в приятой плоти не всегда обнаруживал величие Своего Божества, но как бы истощал славу Свою, и некоторым образом отложил до той поры, пока не явил ее в полном сиянии и величии. Однако чудеса, содеянные Христом во плоти, обнаруживали Его Божественность: преображение на горе Фавор перед учениками; установление Таинства Причащения, где преломлением хлеба и благословением чаши вина означал плоть и кровь Свою, суть как бы лучи Божеского величия и славы, сообщенной плоти в сверхъестественном соединении Божества и человечества.

Естество человеческое лишь сокрывало, как облако солнце, Божественность Сына Божия.

Из вопроса первосвященника Каиафы ясно открывается то, что иудейские вожди ясно сознавали, что Мессия, Христос, возвещаемый пророками, есть ни пророк, ни земной царь, но Сын Божий. Они владели этой тайной и могли так научить народ. Они понимали, что Он придет в подобии человека, ибо на вопрос Ирода: «Где Христос рождается?» — сами отвечали: «В Вифлееме Иудейском».

Господь на все обвинения не отвечал. Хотя Он знал, что не уверуют в Него, однако теперь Он дает ответ, чтобы потом не могли сказать они: если бы Он исповедал Себя после заклинания, то мы уверовали бы в Него. Господь, *уловляющий премудрых в коварстве их* (1 Кор. 3, 20), ответил Каиафе так: *Ты рекл еси...* — твои уста исповедали, что Я Христос, Сын Божий (Мф. 26, 64).

Для Каиафы этого ответа было достаточно, но Спаситель грешников и теперь искал их заблудших душ, призывал их одуматься, и для того напомнил им древние пророчества о будущей славе Мессии. Он сказал: *Обаче глаголю вам: отселе узрите Сына Человеческого, сидяща одесную силы, одесную Бога всесильного, как говорит пророк Давид, и грядуща на облацех небесных, как пророчествует Даниил* (Мф. 26, 64). Скоро самые дела покажут вам, что Я — тот самый Царь, Который, по описанию пророка Даниила, сидит на облаках одесную Ветхого денми, и Который грядет со славою судить вселенную. В этом торжественном откровении выразилось все учение Христа о Своем Лице и предназначении и напомнило судьям то, что было им особенно ненавистно: соучастие Сына Человеческого в могуществе Бога Отца и Его истинную Божественность. Обвиняемый говорил о Себе как Бог и, возвещая Своим судьям, согласно с предсказанием пророка, Свое возвращение на облаках небесных, показывая им, что наступит день, когда они предстанут на Его Божественный суд.

Каиафа не хотел слушать, не хотел принимать голоса пророческого. Он спешит принять на себя вид ревнителя славы Божией, который пришел в ужас от богохульства. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: *Он богохульствует!* Они же сказали: *Повинен есть смерти!* (Мф. 26, 65—66).

Так произнесен смертный приговор над нашим Спасителем.

Почему они не умертвили Его тайно? Потому, что хотели самую славу Его уничтожить. Враги стараются предать Его смерти публично, перед всеми, потому что много было людей, которые слушали Его беседы, удивлялись чудесам Его. А Христос, со Своей стороны, не препятствует этому, но злобу их употребляет как орудие истины: через это смерть Его стала всем известной. Получилось не то, что хотели враги Его: они хотели предать Его публичному позору, а Он через это самое еще более прославил себя.

Ко времени начала проповеди Спасителем Евангелия во всем народе иудейском ожидание Христа достигло наивысшего напряжения. Ангел пустыни, святой Иоанн Предтеча, назначен был Божественным Промыслом приготовить людей к приходу Помазанника Божия. Следовательно, для

членов синедриона появления Христа в эти дни не должно было оказаться невозможным.

Была ли возможность проверить, Христос ли стоящий перед ними в узах? Кто этот Проповедник, Который творил столько чудес, что в народе говорили: *Христос, егда придет, еда больша знамения сотворит, яже Сей творит?* (Ин. 7, 31). Немало людей в Палестине могли увидеть в новом Проповеднике и Учителе, творившем чудеса (*слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют.* — Мф. 11, 5), обещанного Господом через пророков Христа. Будущий апостол Андрей открытой, чистой душой воспринял Иисуса и, придя к брату Симону (Петру), сказал: *Обретох Мессию, еже есть сказаемо, Христос. И привел его к Иисусу* (Ин. 1, 41). Именно Сыном Божиим исповедали Иисуса те, кто был в лодке, когда Он вошел в нее и тотчас утих ветер: *подошли, поклонились Ему и сказали: Воистинну Божий Сын еси* (Мф. 14, 33). Позже и другие ученики узнали в Нем Того, Кого напряженно ждал весь Израиль. *Блажен есть, иже аще не соблазнится о Мне* (Мф. 11, 6). Не соблазнились, но уверовали в Него как в Христа презираемые иудеями самаряне. Достаточно было одного чуда — сказать самарянке все, что она сделала (см. Ин. 4, 39). Первосвященники сами были очевидцами многих Иисусовых чудес, а некоторые из них совершались на их глазах в храме. Но гордость, предубеждение и омертвление веры не позволили членам синедриона сказать, как самаряне: *сами бо слышахом, и вемы, яко Сей есть воистинну Спас миру, Христос* (Ин. 4, 42).

В планах домостроительства нашего спасения ответ Иисуса синедриону был высшим моментом Его общественного служения, окончанием той проповеднической деятельности, на которую Он вышел три года назад. Своим ответом, вызвавшим смертный приговор, Он положил камень в основание Голгофского Креста, на котором совершилось дело нашего спасения. И как всегда бывает в духовной жизни, чем выше и значимей событие, тем явственней обозначается граница разделения добра и зла. Иисус, окруженный гонителями, явил то спокойствие и величие духа, какое не знало человечество от своего начала. Судьи же, став на путь греха, стали усугублять беззакония.

Все, что произошло потом во дворе дома Каиафы, сразу же после осуждения Спасителя, покрыло несмываемым позором членов синедриона и его слуг. *Тогда заплеваша лице Его и пакости Ему деяху: били по голове, по устам, били кулаками; овии же за линиту удариха.* Иные закрывали лицо Его одеждой и при каждом ударе, со злым издевательством, *глаголюще: прорцы нам, Христос, кто есть ударей Тя?* (Мф. 26, 67—68; Лк. 22, 64).

Безнравственность превысила всякую меру: присутствовавшие надругались над Тем, Кто до самых последних дней воскрешал мертвых, исцелял недужных, избавлял от страданий. Сейчас, видя Праведника осужденным, эти люди дали свободу всему низменному и злomu, что было в них. Еще через пророка Исайю Мессия сказал о Себе: *Плещи Мои вдах на раны и ланите Мои на заушения, лица же Моего не отвратих от стыда*

заплеваний (Ис. 50, 6). И теперь это пророчество исполнилось в точности. Иисус страдал по Своему Человечеству, как Богочеловек. Он и в ту ночь во дворе Каиафы оставался Владыкой вселенной, потому что Он снизошел «до подобия нам, не переставая быть тем, что есть, но при этом оставаясь Богом и не презирая меры человечества» (III Вселенский Собор). Сыну Человеческому предстояло испить полную чашу горьких страданий, скорбей и унижений.

По Закону нельзя было осуждать преступника на смерть на одном заседании, поэтому когда наступило утро, *все первосвященники и старейшины народа* вновь собрали *совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти* (Мф. 27, 1), делая вид, что они во всем следуют Закону. Им нужно было вынудить у Иисуса признание, что Он Христос, Мессия, чтобы выдать Его Пилату, как возмущающего народ против власти кесаря. На вопрос Каиафы: «Ты ли Христос?» — Господь отвечал: *Аще вам реку* (что Я Христос), *не имате веры. Аще и вопрошу вы, не отвецаете Ми, ни отпустите*. Господь уже спрашивал их о крещении Иоанновом, о Камне, отвергнутом строителями, о том, почему Давид называет своего Сына-Мессию Господом своим, — и они молчали. Остается только повторить им то, что было уже сказано: *Отселе будет Сын Человеческий седяй одесную силы Божия*, как Всемогущий Царь и Судия. Тогда все члены синедриона в исступлении закричали: *Ты ли убо еси Сын Божий?* — *Вы глаголете, яко Аз есмь*, — со спокойным величием отвечал им Господь, засвидетельствовав великую истину (Лк. 22, 67—70).

Слова Спасителя являются откровением о Своем Богочеловечестве. Молчавший на суде Иисус в ответ на вопрос первосвященника исповедал Себя Сыном Божиим не в силу произнесенного Каиафой заклинания, о потому что «исполнились сроки»: *Отче, прииде час, прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя* (Ин. 17, 1).

Первосвященник и весь синедрион должны были с великим вниманием и особой тщательностью исследовать все, что касалось Иисуса Христа — Мессии. И Гора предписывала вполне определенно: *разыщи, исследуй и хорошо расспроси* (Втор. 13, 14). Среди членов синедриона были книжники, законники и просто старейшины, знавшие каждую букву Писания. Наступила полнота времен, пришел срок исполнения пророчества Даниила о пришествии Мессии.

Пророк Даниил за 490 лет указал точно год Богоявления, Крещения Господня в Иордане. С того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима (453 г. до Р. Х), до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины: $7 + 62 = 69$ или $69 \times 7 = 483$ года. В 70-ю седмину, в 30-й год жизни Иисуса Христа, после Крещения, началось Его общественное служение.

Из Писаний было известно место рождения Мессии — Вифлеем: *И ты, Вифлееме, доме Ефрафов, еда мал еси, еже быти в тысящах Иудиных? из тебе бо мне изыдет старейшина, еже быти в князя во Израили, исходи же его из начала от дний века* (Мих. 5, 2).

Через Моисея таинственно было возведено, что имя Его Иисус: *Вот, Я посылаю пред тобою Ангела [Моего] хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил тебе; блюди себя пред лицом Его и слушай гласа Его; не упорствуй против Него, потому что Он не простит греха вашего, ибо имя Мое в Нем* (Исх. 20, 22; 23, 20—21). Имя Того, Который говорил Моисею: *Имя Мое в Нем*, — было Иисус. И в землю обетованную евреев ввел Тот, Который прежде назывался Авсием. Он и Израилем назывался, а также перенес это название на Иакова. И то, что Он переименовал одного из апостолов Петром, а равно двух других братьев назвал «сынами грома», означало, что Он — Тот Самый, Кто Иакову дал имя Израиль, и Авсия назвал именем Иисус.

О том, что Господь придет на землю писал пророк Варух: *Сей Бог наш, не вменится ин к Нему. Изобрете всяк путь хитрости и даде ю Иакову отроку Своему и Израилю возлюбленному от Него. Посем же на земле явися и с человеки поживе* (Вар. 3, 36—38).

Из Писаний был известен род, из которого произойдет Мессия, — Давидов: *из корене Иессеова* (Ис. 11, 1) — отца пророка-царя Давида.

Назван в Ветхом Завете и Предтеча грядущего Мессии: *Се, Аз посылаю Ангела Моего, и призрит на путь пред лицом Моим, и внезапно придет в церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангел завета, Егоже вы хотите; се, грядет, глаголет Господь Вседержитель* (Мал. 3, 1). Жители Палестины знали Священное Писание, и в Иоанне, проповедовавшем покаяние, видели предвещанного пророками Ангела покаяния: со всего Иерусалима, всей Иудеи и всех окрестностей Иорданских приходили они к нему.

Пророчества возвещали, что *изыдет старейшина, еже быти в князи во Израили*, и восстанет Царь, Который *обладает языки многими, и возвысится Царство Его и возрастет* (Чис. 24, 17).

Да, восстанет Царь, но какой? — На Котором *почиет Дух Божий, дух ведения и благочестия, и будет препоясан правдою о чреслах своих и истинною обвит по ребрам Своим* (Ис. 11, 2, 5).

Да, пленит народы и поразит, но каким оружием? — *И поразит землю словом уст Своих, и духом устен убьет нечестиваго* (Ис. 11, 4).

Да, Он будет рода царского, ибо процветет *из корене Иессеова* (Ис. 11, 1) — отца пророка-царя Давида — и восставит царство, но какое? — *Еже во веки не разсыплется, и Царство Его людем инем не останется* (Дан. 2, 44), то есть Царство вечное, по наследству не переходящее. Кто же этот славный Царь? Простой ли человек? Открывают ли это пророчества?

В книге пророка Исаии читаем: *Людие ходящии во тьме видеша свет велий, живущии во стране и сени смертней, свет возсияет на вы. Отроча родися нам, Сын, и дадеся нам; Егоже начальство бысть на раме Его, и нарицается имя Его: велика совета Ангел, Чуден, Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущаго века. Приведу бо мир на князи, мир и здравие Ему. И велие начальство Его, и мира Его несть предела на престоле Давидове и на Царстве Его, исправите е и заступити Его в суде и правде, отныне и до века. Ревность Господа Саваофа сотворит сия* (Ис. 9, 2, 6—7).

Еще из пророка Исаии: *Даст Господь Сам вам знамение: се, Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречеши имя Ему Еммануил (еже есть сказуемо: «с нами Бог»).* И зане прежде неже разумети Отрочати назвати отца или мать, примет силу Дамаскову, и корысти самарийския пред царем ассирийским. С нами Бог! Разумейте языцы, и покаряйтесь: услышите даже до последних земли, яко с нами Бог (Ис. 7, 14; 8, 4, 8—10).

Вот какой Царь будет! Да, это Человек, ибо *Отроча родися нам.* И родится не от жены, но *Дева во чреве примет и родит Сына,* и Чуден, Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущего века.

Вот величайшая тайна и истина вселенной, о которой Писание прикровенно, но достаточно ясно возвещает. Вот Кого должны были ждать и принять. *Велия есть благочестия тайна: Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16).

Сам Господь говорил иудеям: *Испытайте Писаний, и та суть свидетельствующая о Мне* (Ин. 5,39).

Однако для правильного понимания пророчеств, внушенных Святым Духом, была нужна чистая вера, всецелая обращенность к Богу. Представления об ожидаемом Мессии у иудеев того времени соответствовали их нравам и господствующим жизненным настроениям. Почти все начали ожидать в лице Мессии всемирного завоевателя, Который для того и явится во всем могуществе Посланника Божия, окруженный знаменами и чудесами, чтобы низложить и упразднить все тогдашние царства на земле, составить из всего рода человеческого единую державу, в коей иудеи должны занять первое место и быть Его наперсниками.

Фарисеи и книжники учили народ, что Мессия придет только для евреев. Он даст им земные блага и будет их царем. Когда Господь в Вифсаиде напичкал пятью хлебами пять тысяч человек, то они обрадовались: вот Он — царь наш. Они вошли с учениками Христовыми в сговор и хотели Иисуса сделать земным царем. Но Господь, видя их помышления, отошел от них, отослал учеников на другой берег озера, а потом Сам по морю пришел к ним.

Искаженное грехом сознание не заметило тех мест из Ветхого Завета, в которых даны духовные черты обетованного Мессии: *Се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9, 9); *Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избрании Мой, к Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд поистине* (Ис. 42, 1—3).

Они так привыкли верить в своего ими изобретенного Мессию, как непобедимого царя земного, что никак не могли даже и подумать, что Мессией может быть бедный и кроткий Галилейский Учитель.

Так что главная причина отвержения синедрионом Иисуса Христа — духовно-нравственная. Суд не исследовал мессианские права Того, Кто называл Себя Христом. Правовое сознание представителей высшего органа Израиля было полностью связано ненавистью к Узнику.

Святитель Василий Великий находит, что иудеи, распявшие Христа, поступили злостнее содомлян. Последние были наказаны за крайне развращенный образ жизни. На безнравственное состояние как источник ожесточения, приведшего иерусалимлян к осуждению вочеловечившегося Бога, указывает также святитель Игнатий (Брянчанинов).

Согрешающий человек неизбежно отрекается от Христа, ибо служит похотям мира, который во зле лежит. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, называя Христа Светом, свидетельствует: *Свет прииде в мир, и возлюбиха человецы паче тьму, неже свет, быша бо их дела злы. Всяк бо делаяй злая, ненавидит света, и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть* (Ин. 3, 19—20). Опыт всего человечества подтверждает эти слова. Люди, избравшие грех, ожесточаются и, как сказано в Писании, вторично распинают Сына Божия (Ев. 6, 6).

Итак, суд синедриона, проходивший в ночь с 13 на 14-го нисана в Иерусалиме, закончился осуждением на смерть Спасителя мира.